
Кирилл САФРОНОВ

* * *

Как твое ничего?
Ты где там, ты с кем там, ты как там?
Что неважно там, что ключево?
Что начальство считает терактом?
Что пьют утром, что вечером жгут?
Как там память стирает улики?
Или, может быть, там все, как тут:
дни спешат, как лихие таджики,
тучи хмурятся, дети вопят,
ночь зовет постоять у подъезда,
и опять — или снова? — опять
не найти себе времени-места?

* * *

вот машинка постаралась
и одежда постиралась
я же целый день трудился
и в итоге простудился
не такой я как стиралка
и себя мне очень жалко
зря что два моих аршина
человек а не машина
жил бы я посудомойкой
был к коррозии бы стойкий
уродись микроволновкой
все на свете грел бы ловко
был бы я электрокаром
разъезжал по модным барам
был бы новеньким айфоном
все за мной бы стало фоном
у машин свои задачи
человек ничё не значит
люди только всех едят
пусть машины победят

Кирилл Сафронов родился в Таганроге. Журналист, кинообозреватель. В прошлом — студент ИЖЛТ (участник семинаров Л. А. Аннинского и Д. Ю. Веденяпина) и преподаватель киноколледжа «Московская международная киношкола». Публиковался в литературных журналах «Дон», «Нева», книге ростовских авторов «Волна за волной», поэтических сборниках «Опаньки», «2 lit-ra». Автор книг «Чуйка» (2017) и «Южный говор» (2019). Живет в Москве.

* * *

Женщина ругается на птицу,
стоя на балконе, где растения
не успели толком распуститься,
а всем видом требуют спасения.

Птица упорхнула и не в курсе,
что ей клички вслед летят досадные.
На серьезном женщина ресурсе
семена приобрела рассадные.

И теперь кричит: «Ну бога ради!
Жизнь коту под хвост, еще — грабители.
Полюбится б, как Марина Влади.
Да Володю сорок лет не видели».

Ненавистна женщине той птица,
словно подзаборная кириллица.
Вот и как ей, бедной, ухитриться
полюбоваться и утихомириться?

* * *

холодно бедно на улицах города
лучше туда не соваться без повода
нет в них ни света ни сил ни спасения
только одно муроводство осеннее

морось и лужи зонты и автобусы
новых реклам голодные фокусы
глянут как минимум неодобрительно
и поразительно как подозрительно

выйдешь на улицу сразу зачесется
то ли чего покупать то ли вешаться
надо же было дожить до несчастья
кассовый чек стал формой причастия

греет покупка что кофе что гвóздика
как непонятки про Бога агностика
также свобода согреет заложника
или железная кака художника

нет уж не надо ни чека ни улицы
лучше уж дома свернуться и сузиться

съежиться сморщиться только окажется
что очень скоро доставка закажется

будто сама собой

* * *

Мне полюбилось резать лук.
Когда сплошная жесть вокруг,
то как-то отпускает вдруг:
пойдешь, порежешь,
смахнешь постыдную слезу,
покажешь зеркалу козу,
и парит реже.

* * *

В городе за тыщу км
булыжники у воды
приспосабливаются к зиме,
сплачивают ряды.
Впереди — холода, беда,
одинокчество, зуб на зуб
попадать будет не всегда.
Подходила бы жизнь к концу б —
еще ладно, но жить — в уме
как прикинешь — так лет под сто.
В городе за тыщу км.
Разбери поди — чтобы что.

НУ ТАКОЕ

в москве ковид
в крыму потоп
тревожный вид
выходит в топ

тревожный вид
тревожит муть
кто не привит
того нагнуть

рычит кричит
тревожный вид
от всех обид
фейсбук кипит

фейсбук кипит
биток просел
в москве ковид
и кто-то сел

в крыму потоп
и пьяный ной
построил оп
ковчег дрянной

жужжит шипит
тревожный вид
закончишь лит
а лыком шит

в москве тщета
в крыму тоска
и нищета
как смерть близка

тому легко
кто раб врагам
а нам пиво
легко не нам

нам тяжело
нам тяжело
нам очень очень тяжело
нам тяжелее всех кто там
нам тяжело
легко не нам

алло ты слышишь нас алло
ты слышишь как нам тяжело
да тяжело нам тяжело
купи пиво еще алло

и не понять
кто бьет кто бит
кричит опять
тревожный вид

кричит опять
как есть в трубу
всех расстрелять
за бу-бу-бу

* * *

у каждого смертного даже кота
есть вечное что-то больная пята
история боли надежды и дна
которая мало кому так видна
пропеллер что сразу заводит кота
дрожит когда зайчиком вдруг пустота
пакетом шуршит когда друг человек
и кот переходит в стремительный бег
когда насыпают в тарелку еду
я сам будто кот мой на кухню иду
а после принятия пищи режим
мы вместе с котом на диване лежим
лежим будто вечного в нас ни шиша
и сытости тело отда́ла душа
в аренду сдала я не знаю в залог
ни вечности нету внутри ни тревог
какое-то смертное только легко
приятное теплое как молоко
простое и доброе как ерунда
и кажется так вот и будет всегда
но скоро спокойствие сходит на нет
и что-то зовет как шуршащий пакет
и что-то как солнечный зайчик манит
работа попойка прогулка в «Магнит»
шнуровка кроссовок берет жизнь в кольцо
и вечность как бездна мне смотрит в лицо
лицо беспородного с виду кота
в котором душа а в душе пустота